
А. И. ПЕРШИЦ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Современная этнографическая наука в СССР принадлежит к числу комплексных отраслей знания. Являясь специализированной исторической дисциплиной, изучающей этническое и культурно-бытовое развитие народов мира, она включает ряд возникших на стыках этнографии с другими общественными науками этнографических дисциплин. Таковы этническая география, этническая лингвистика, фольклористика и др. В соответствии с этим круг этнографических проблем очень широк. В него входят вопросы, связанные с происхождением и расселением народов мира, их этническим и антропологическим составом, их культурно-бытовыми особенностями и культурно-историческими взаимоотношениями, наконец, с происхождением и развитием многочисленных элементов их материальной, социальной и духовной культуры. Научная значимость всех этих вопросов очевидна. Однако в каждой науке в каждый период времени есть своя наиболее актуальная проблематика, закономерно порожденная потребностями развития общества и самой науки.

Два десятилетия, прошедшие со времени окончания второй мировой войны, ознаменовались огромными революционными сдвигами в жизни народов мира. Возник ряд социалистических стран, включивший в себя десятки народов Европы, Азии и Америки. Всколыхнулась волна национально-освободительных движений, пробудивших сотни народов Африки, Азии, Латинской Америки, Океании. В мире небывалым образом активизировались этнические, социально-экономические, культурно-бытовые процессы; народы, как никогда, осознали необходимость обеспечить свое мирное прогрессивное развитие. Расширились международные связи, возросло стремление народов к сотрудничеству и взаимопониманию. Естественным следствием этого явился рост интереса каждого народа к этническим судьбам и культурным ценностям, как своим собственным, так и своих соседей, которыми теперь, в результате развития новейших технических средств, стали все без исключения народы Земли.

На новый этап своего развития вступили народы СССР. Советский Союз завершил построение социализма и начал развернутое строительство коммунизма. Принятая XXII съездом КПСС Программа партии, определив конкретные пути перехода от социализма к коммунизму, открыла широкую перспективу дальнейших преобразований во всех областях экономики, культуры и быта народов СССР. Вместе с тем документы последних съездов КПСС положили начало новой эпохе в истории советского обществоведения, подчеркнув его роль научной основы руководства развитием общества и поставив перед ним ответственные задачи исследования закономерностей развития человечества, обобщения опыта строительства коммунизма, разработки проблем коммуни-

стического воспитания. Переходу общественных наук в СССР, в том числе этнографии, на высшую ступень в огромной степени способствовало их освобождение от мертвящих пут культа личности Сталина, связывавших свободное обсуждение и разработку многих насущных проблем.

В этих условиях в советской этнографии за последние годы прочно утвердилось наметившееся еще до войны и усилившееся в послевоенное время¹ научное направление, ставящее своей главной задачей изучение основных этнических и культурно-бытовых процессов современности и связывающее свои исследования с практикой строительства коммунизма в СССР и с борьбой прогрессивных сил во всем мире. Одновременно определилось несколько актуальных исследовательских линий, или крупных комплексов взаимосвязанных проблем, разрабатываемых этнографами своими силами или в тесном контакте с историками, археологами, философами, социологами, экономистами, географами, искусствоведами, лингвистами, антропологами и работниками других смежных отраслей знания.

* * *

Основным комплексом проблем является изучение этнического и культурного развития народов СССР на путях перехода к коммунизму. В нем, в свою очередь, выделяются вопросы, связанные с изучением изменений в культуре и быте колхозного крестьянства, рабочего класса и интеллигенции, и вопросы, связанные с изучением этнического развития отдельных народов СССР и советского общества в целом.

Исследование культуры и быта колхозного крестьянства СССР развернулось со второй половины 1940-х гг. первоначально в Институте этнографии Академии наук СССР, а затем и в этнографических учреждениях союзных и автономных республик. Результатом его явились обширная серия статей, опубликованных в журнале «Советская этнография» и других изданиях, и ряд монографий о таджикском, узбекском, украинском, русском, киргизском, черкесском, латышском колхозном крестьянстве. Первые публикации, посвященные этой теме, стояли на недостаточно высоком научном уровне. В большинстве случаев они представляли собой простое описание современного быта колхозников в сравнении с их дореволюционным бытом, причем это описание не всегда было полным, так как в условиях культа личности Сталина этнографам подчас приходилось оставлять в стороне наблюдаемые ими отрицательные явления. Подлинное исследование началось с середины 1950-х гг., когда работающие в данной области этнографы стали переходить к изучению процесса развития культуры и быта колхозного крестьянства, с тем чтобы выявить, с одной стороны, положительные линии развития, с другой — вредные, несовместимые с новыми условиями жизни пережитки прошлого. Эта проблематика в той или иной степени отразилась в большинстве публикаций последних лет — как в уже упомянутых монографиях², так и в специальных работах, посвящен-

¹ См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография» (в дальнейшем СЭ), 1947, № 4; его же, Сорок лет советской этнографии, СЭ, 1957, № 5; С. А. Токарев, Советская этнография за 40 лет, «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2; В. Ю. Крупянская, Л. П. Потапов, Л. Н. Герентьева, Основные проблемы этнографического изучения народов СССР, СЭ, 1961, № 3; Л. П. Потапов, Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР, СЭ, 1962, № 2.

² См. Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия (в дальнейшем ТИЭ), т. XXIV, М.—Л., 1954; О. А. Сухарева

ных отдельным элементам культуры или сторонам быта³. Полученные здесь данные помогли, например, созданию новых типов жилища, формированию новых общественных праздников и обрядов, развитию некоторых традиций народного искусства. Исключительно большое значение имели они для дальнейшего развития хозяйства и быта наиболее отсталой в прошлом части населения СССР — малых народов Севера⁴.

В настоящее время этнографическое исследование колхозного крестьянства народов СССР поднимается на новую научную ступень. Если в прошлые годы изучение велось, как правило, на материалах отдельных колхозов, в лучшем случае районов, то теперь оно строится на значительно более широких по территориальному охвату данных. Начато изучение культуры и быта колхозников на территориях со смешанным национальным составом, позволяющее выявить культурное взаимовлияние и сближение народов СССР (см. ниже).

Изучение культуры и быта рабочего класса народов СССР началось несколько позднее, в самом конце 1940-х гг., и встретилось с особенно большими трудностями. В прошлом, по крайней мере с конца XIX в., этнография как в нашей стране, так и за рубежом не видела в рабочем классе — этом самом передовом и непрерывно растущем отряде современного общества — объекта этнографического исследования. Первые попытки изучения рабочего класса носили не научный, а скорее публицистический характер и, естественно, не дали положительных результа-

и М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955; И. Ф. Симоненко, Социалистические преобразования в быту трудящихся села Нересницы Закарпатской области, Киев, 1957 (на укр. яз.); «Рязанское село Кораблино», «Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та», т. XVIII, Рязань, 1957; И. Х. Калмыков, Культура и быт черкесского колхозного аула, Черкесск, 1957; «Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни», ТИЭ, т. XLI, 1958; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, ТИЭ, т. XXXVII, 1958; Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии (Историко-этнографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района Латвийской ССР), ТИЭ, т. LIX, 1960 и др.

³ См., например: Л. Н. Терентьева, К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам в Латвийской ССР, СЭ, 1954, № 1; Л. Н. Чижикова, М. Н. Шмелева, Современное русское крестьянское жилище, СЭ, 1955, № 1; И. В. Захарова, Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана (по материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей), Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, 3, 1956; А. Залесский, О некоторых чертах в послевоенном семейном быту белорусских колхозников, «Белорускі этнографічны зборнік», Труды Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, т. I, серия этнографии и фольклора, 1958, вып. 1; М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана (по материалам колхозов Наманганской области), Ташкент, 1959; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960; А. И. Робакидзе, Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, СЭ, 1961, № 1; Г. Р. Иманов, Коренные изменения духовного облика азербайджанских крестьян за годы советской власти, Баку, 1960; Л. Н. Терентьева, Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии, СЭ, 1961, № 2; Я. С. Смирнова, Обычай избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху, там же; Е. М. Кравец, А. Ф. Кувенева, Новое в общественном и семейном быту колхозников Советской Украины, «Народна творчість та етнографія», 1961, № 1; Сб. «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики», ТИЭ, т. LXXXVII, М., 1962; Г. П. Васильева, Н. А. Кисляков, Вопросы семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана в период строительства социализма и коммунизма, СЭ, 1962, № 6; Е. Н. Студенецкая, О современной народной одежде, СЭ, 1963, № 2; И. А. Крывелев, О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР, СЭ, 1963, № 6, и др.

⁴ См. М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, ТИЭ, т. XXVII, 1955; В. Н. Увачан, Переход к социализму малых народов Севера, М., 1958; Сб. «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», ТИЭ, т. LVI, 1960; И. С. Гурвич, О путях дальнейшего переустройства экономики и культуры народов Севера, СЭ, 1961, № 4.

тов. Однако постепенно и в этой области работы вырисовались контуры основных этнографических проблем. Это — исследование традиционных и общесоветских черт культуры и быта рабочих различных народов СССР, культурно-бытовой специфики различных групп рабочего класса (промышленные рабочие, рабочие совхозов и т. д.), особенностей жизненного уклада населения промышленных поселков, еще только переходящего от крестьянского к рабочему быту, и прежде всего, так же как и при изучении культуры и быта колхозного крестьянства, прогрессивных линий культурно-бытового развития на пути перехода к коммунизму. Особый интерес представляет этнографический аспект исследования формирования рабочего класса у тех народов СССР, у которых он стал складываться только после Октябрьской революции, — народов Крайнего Севера, многих народов Сибири, Средней Азии и Кавказа. Некоторые из перечисленных здесь проблем уже подверглись изучению в вышедших за последние годы статьях и монографиях, посвященных культуре и быту рабочего класса СССР⁵, но их постановка и разработка все еще продолжает развлекаться.

Особенности бытового уклада интеллигенции народов СССР до сих пор специально не исследовались. В известной степени изучение быта городской интеллигенции ведется параллельно с изучением культуры и быта рабочего класса, сельской интеллигенции — параллельно с изучением культуры и быта колхозного крестьянства и отражено в соответствующих публикациях, но проделанная в этом отношении работа пока что невелика.

Особую этнографическую проблему составляет выявление культурно-бытовых взаимодействий между различными классами и прослойками народов СССР. Многие работы послевоенного времени содержат яркие факты, показывающие, что культура и быт рабочих и сельской интеллигенции оказывают сильнее прогрессивное воздействие на культуру и быт колхозного крестьянства. Очевидная актуальность этой темы еще потребует специальных исследований — как общего характера, так и посвященных отдельным сторонам общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры. Такие исследования тем более необходимы потому, что установившееся сейчас в советской этнографии рассмотрение рабочего класса и колхозного крестьянства народов СССР как отдельных объектов исследования, облегчая детализированное этнографическое изучение этих двух классов советского общества, все же в известной мере элиминирует изучение процессов развития социалистической культуры и быта в «межклассовых» рамках селений и городов и, что важнее всего, в общенациональном масштабе.

⁵ В. Ю. Крупянская, Некоторые аспекты этнографического изучения рабочих, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (в дальнейшем КСИЭ), XXIX, 1958; ее же, Этнографическое изучение советского рабочего класса, «Вопросы истории», 1960, № 11, ее же, Проблемы изучения культуры и быта рабочих СССР, СЭ, 1963, № 4; А. С. Куницкий, К вопросу о методике этнографического изучения рабочих Украины, КСИЭ, XXIX, 1958; В. Т. Зинич и М. П. Приходько, Черты коммунистического в быте и культуре рабочих Украинской ССР, «Народна творчість та етнографія», 1960, № 4; В. М. Иванов, Общественный и семейный быт бригад коммунистического труда Белорусской ССР, там же, № 3; Л. Х. Акаба, Материалы о быте рабочих-абхазов Ткварчели, Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории, т. 31, 1960; Ф. А. Арипов, Некоторые данные об изучении современного быта рабочих Узбекской ССР, «Народна творчість та етнографія», 1961, № 2; Ш. Аннаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, Историко-этнографич. очерк, Ашхабад, 1961; А. Даниляускас, К вопросу об изучении культуры и быта литовских рабочих, СЭ, 1962, № 5; С. А. Макаруч, Новые черты в быту рабочих Прикарпатья, «Материалы по этнографии и искусствоведению», Киев, 1963, вып. 7—8; А. Г. Трофимова, Типы населения и жилища бакинских рабочих-нефтяников, СЭ, 1963, № 4 и др.

В проблематике современного этнического развития народов СССР выделяются два тесно связанных между собой круга вопросов: 1 — формирование и консолидация отдельных социалистических наций и народностей и 2 — их сближение между собой на основе все более крепнущих экономических и культурных связей. Оба эти процесса начались уже в первые годы советской власти, но протекали неравномерно. Вплоть до завершения строительства социализма преобладал первый из них, с развертыванием строительства коммунизма усилился второй⁶. Естественно поэтому, что до последнего времени этнографы СССР уделяли преимущественное внимание первому кругу вопросов, а второго касались чаще всего попутно.

Исследования, проведенные на Кавказе, в Средней Азии, в Поволжье, на Крайнем Севере, в Сибири⁷, показали, что формирование социалистических наций и народностей шло по-разному, определяясь тем, на каком уровне этнического развития застала отдельные народы СССР Октябрьская революция. Если у наиболее развитых буржуазных наций процесс их преобразования в нации социалистические сводился в основном к развитию социалистической экономики, изменению классовой стратиграфии и развитию социалистической культуры, то у некоторых других (например, грузины, в меньшей степени армяне, азербайджанцы) он потребовал также и внутренней этнической консолидации, постепенного растворения сохранившихся в их составе этнографических групп. Еще более сложными были процессы образования новых, социалистических наций и народностей, как правило сопровождавшиеся консолидацией ряда родственных по языку и культуре территориально-племенных подразделений или даже, как например, в Дагестане, небольших отдельных народностей. Наконец, шли процессы добровольной ассимиляции — вхождения малочисленных этнических групп, не имевших перспектив самостоятельного национального развития, в состав крупных народностей и наций (постепенное слияние части эвенков с бурятами, долган, кетов и части селькупов с русскими, ягнобцев и припамироких народностей с таджиками и т. д.). Все эти процессы, сопровождающиеся развитием и расцветом национальных форм социалистической культуры, продолжают идти и в настоящее время, оставаясь одним из важнейших объектов этнографических исследований. Изучение их позволяет понять ближайшие перспективы развития отдельных народов и этнографических групп и выявить прогрессивные направления этого развития, чтобы тем самым практически помочь национальному строительству в СССР.

Однако еще большее значение получает сейчас разработка второго круга вопросов, связанного с процессами этнического сближения народов СССР. Проводимые в этой области исследования, которые отчасти

⁶ См. В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, СЭ, 1961, № 4.

⁷ См. Л. И. Лавров, Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—52 гг., КСИЭ, XIX, 1953; Л. П. Потапов, К вопросу о национальной консолидации алтайцев, СЭ, 1952, № 1; его же, Ленинская национальная политика в действии, СЭ, 1957, № 5; Я. Р. Винников, Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, ТИЭ, т. XLVII, 1959; Т. А. Жданко, Ленинская национальная политика на новом историческом этапе (К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму), СЭ, 1960, № 2; И. С. Гурвич, Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии, СЭ, 1960, № 5; З. П. Соколова, О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области, СЭ, 1961, № 3; В. И. Козлов, К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы), СЭ, 1961, № 4 и др.

уже отразились в предварительных публикациях⁸ и продолжают развертываться в ходе подготовки Институтом этнографии АН СССР коллективного труда «Развитие социалистических наций, малых народов и этнографических групп в период перехода к коммунизму», показали, что это сближение идет двумя путями. С одной стороны, в условиях советской действительности чрезвычайно усилились процессы культурных взаимодействий между народами таких крупных историко-этнографических регионов, как Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия, Южная Сибирь, Крайний Север и т. п., в результате чего здесь вырабатываются общерегиональные черты хозяйства и материальной культуры. С другой стороны, в этих же условиях стал бурно развиваться процесс обмена культурными ценностями между всеми народами СССР, их сближения в общесоюзном масштабе, результатом чего является развитие общесоветских форм культуры и быта. Как в первом, так и во втором случае огромную роль играют распространение русского языка, фактически становящегося вторым родным языком всех народов СССР, и рост межнационального общения в городах, на стройках коммунизма, на целинных землях, рост числа смешанных браков⁹ и другие факторы. Проблема этнического сближения советских народов — едва ли не самая широкая из проблем рассматриваемого комплекса: ее разработка требует привлечения всех результатов этнографического изучения народов СССР в эпоху строительства коммунизма.

* * *

Второй основной комплекс проблем связан с задачами общей этнографической характеристики народов мира. Наибольшее внимание здесь, естественно, привлекает современное этническое и культурно-бытовое развитие народов. Однако советская этнография, как и другие общественные науки в СССР, никогда не ограничивала область актуального в науке событиями текущего дня. Каждое этническое или культурное явление современности может быть до конца понято лишь тогда, когда известны его происхождение и эволюция. Да и помимо этого основные факты этнической и культурной истории, даже самой отдаленной, неизменно сохраняют свою актуальность. Для патриота естественно желание знать, какие ценности внесли его предки в общую сокровищницу человечества. Тем естественнее это желание у тех многочисленных внеевропейских народов, которые еще недавно находились или продолжают находиться в колониальном порабощении и мнимая неспособность которых к самостоятельному национальному развитию так долго доказывалась проимпериалистической наукой¹⁰. Поэтому, уделяя преимущественное внимание современности, советская этнография отнюдь не исключает из поля зрения всю совокупность проблем этнической и культурной истории народов.

Задачи общей этнографической характеристики народов мира широко встали перед советскими этнографами в послевоенные годы, когда

⁸ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Указ. раб.; Л. Н. Чижикова, Заселение Кубани и современные этнические процессы, СЭ, 1963, № 6; А. В. Смоляк, О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура, СЭ, 1963, № 3.

⁹ С. М. Абрамзон, Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана, СЭ, 1962, № 3.

¹⁰ См., например: S. Passarge, Ägypten und das Arabische Orient, Berlin, 1961; Б. В. Андрианов, Карта народов Африки, М., 1961; «Карта народов мира», *polologist at work*, Boston, 1959.

развернулась работа над обобщающим многотомным изданием «Народы мира»¹¹ и связанной с ним серией этнических карт¹². Характер этого труда, в котором в отличие от аналогичных зарубежных изданий показываются не только традиционные, но и современные этнографические особенности народов мира, причем не только наиболее отсталых, но и наиболее развитых из них, отразил общие установки советской этнографической науки и, в свою очередь, потребовал разработки ряда старых и новых исследовательских проблем.

Таковы прежде всего проблемы этнической географии — изучения этнического состава населения земного шара, размещения и численности народов и входящих в их состав этнографических (а также религиозных, кастовых, расовых и других) групп. Первое место здесь принадлежит проблеме классификации народов мира. Как известно, в современной этнографии наиболее принята лингвистическая система классификации народов. Действительно, близкие языки, как правило, встречаются у народов, связанных общим происхождением, длительным соседством и культурными взаимодействиями. Следовательно, языковая близость позволяет судить об этнической близости. Тем не менее, поскольку язык является лишь одним из этнических показателей, лингвистическая и этническая классификации не равнозначны. Есть единые этнические общности, сохраняющие разноязычие (например, швейцарцы, ирландцы), и различные этнические общности, пользующиеся одним языком (например, испано-, португало-, англо-, арабоязычные народы). Многие зарубежные ученые пытались найти выход из положения в создании смешанных лингво-антропологических и лингво-конфессиональных систем классификации, систем неудачных, так как этнические категории лишь в редких случаях совпадают с расовыми или конфессиональными категориями. Иначе пробовали подойти к проблеме некоторые советские этнографы, предложившие построить на основе выработанного в нашей науке понятия о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях¹³ собственно этнографическую систему классификации народов мира. Но такая классификация отразила бы не столько нынешний, сколько традиционный культурный статус и характеризовала бы не столько развитые, сколько отставшие в своем развитии народы. Принцип построения универсальной этнической классификации еще не найден¹⁴. Однако известным шагом на этом пути является применяемая в последние годы советскими этнографами система классификации, которая может быть названа этнолингвистической. В ней основой группировки народов служит язык, но во всех случаях,

¹¹ Вышли: «Народы Африки», М., 1954; «Народы Сибири», М.—Л., 1956; «Народы Австралии и Океании», М., 1956; «Народы Передней Азии», М., 1957; «Народы Америки», I и II, М., 1959; «Народы Кавказа», М., I, 1960, II, 1962; «Численность и расселение народов мира», М., 1962; «Народы Средней Азии и Казахстана», М., I, 1962, II, 1963; «Народы Южной Азии», М., 1963. В ближайшее время выйдут: «Народы Европейской части СССР», I и II; «Народы Зарубежной Европы», I.

¹² Вышли: М. А. Берзина, Карта народов Индостана, М., 1956; С. И. Брук, Карта народов Китая, Монгольской Народной Республики и Кореи, М., 1959; его же, Карта народов Индокитая, М., 1959; его же, Карта народов Передней Азии, М., 1961; Б. В. Андрианов, Карта народов Африки, М., 1961; Карта народов Мира, М., 1961; «Карта народов СССР», М., 1962; М. Я. Берзина, С. И. Брук, Карта народов Индонезии, Малайи и Филиппин, М., 1962. В ближайшее время выйдет обобщающий труд «Атлас народов мира».

¹³ С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама, СЭ, 1932, № 2; М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, СЭ, 1955, № 4.

¹⁴ См. С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии, СЭ, 1961, № 5; С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин, О предмете и задачах этногеографии, СЭ, 1963, № 1.

когда он не дает четких критериев, принимаются во внимание также и другие этнические признаки.

Из других проблем этой группы серьезную разработку получили принципы определения этнических территорий и установления этнических границ¹⁵ и методы этнического картографирования, в числе которых впервые применено совмещение показа этнического состава и плотности населения¹⁶. В условиях крайней недостаточности сведений о населении и численности некоторых народов мира большое значение получил вопрос о возможности и методах использования в этническом картографировании и статистике разного рода косвенных данных. Эта проблема была успешно решена советскими этнографами, показавшими, что разбросанные в различных работах сведения о хозяйственной и культурной жизни народов в своей совокупности позволяют в значительной мере уточнить границы расселения и даже оценку численности народов¹⁷.

Следующий круг вопросов общей этнографической характеристики народов мира составляют вопросы этногенеза. В их разработке советские этнографы исходят из того положения, что этнические общности представляют собой не неизменные категории с извечно присущими им свойствами, а категории исторические, изменяющиеся и развивающиеся в процессе развития производства и постоянного взаимодействия между самими этническими общностями¹⁸. В ходе своего развития этнические общности вступают в различное соотношение с другими общностями людей — хозяйственно-культурными, языковыми, расовыми, политическими. Следовательно, — и это является важнейшим принципом методики советских этногенетических исследований — изучение этнической истории должно опираться на весь комплекс соответствующих источников: этнографических, фольклорных, археологических, лингвистических, антропологических, исторических. В послевоенные годы этнографы СССР много сделали как для выявления различных видов этнографических источников изучения этногенеза (этногонических преданий, генеонимии, историко-культурных фактов), так и для разработки вопросов этногенеза на основе совокупного применения разных видов источников. Заметно продвинулось изучение вопросов происхождения ряда народов СССР (особенно народов Средней Азии¹⁹, Сибири²⁰,

¹⁵ П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, ТИЭ, т. XV, 1951.

¹⁶ П. И. Кушнер (Кнышев), Методы картографирования национального состава населения, СЭ, 1950, № 4; П. Е. Терлецкий, О новом методе этнического картографирования, СЭ, 1953, № 1.

¹⁷ См. текстовые приложения к этническим картам, перечисленным в прим. 12.

¹⁸ См. А. Д. Удадьцов, Теоретические основы этногенетических исследований, «Изв. АН СССР», серия истории и философии, I, 1947, № 6; С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, СЭ, 1949, № 3.

¹⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX — начале XX в., ТИЭ, т. IX, 1950; Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, тт. I—IV, М., 1952—1959; Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, тт. I—IV, М., 1956—1960 и др.

²⁰ Б. О. Долгих, Происхождение нгансанов, «Сибирский этнографич. сборник», ТИЭ, т. XVIII, 1952; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, ТИЭ, т. XXXVI, 1958; Труды Тувинской комплексной археолого-этнографич. экспедиции, т. I, М.—Л., 1960; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., ТИЭ, т. LV, 1960; его же, Происхождение долган, «Сибирский этнографич. сборник», ТИЭ, т. LXXXIV, 1963; С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.), ТИЭ, т. LXXXI, 1963.

Поволжья²¹, Прибалтики²²) и некоторых народов зарубежных стран²³. Большую роль в этой области сыграли и продолжают играть работы комплексных археолого-этнографических и этнографо-антропологических экспедиций и подготовка серии историко-этнографических атласов, отражающих географическое и историческое распределение элементов культуры и тем самым этническое взаимодействие и развитие народов²⁴.

Особое значение придают советские этнографы изучению современных этнических процессов в странах, недавно вступивших на путь самостоятельного развития или же еще находящиеся в колониальной зависимости. Это и понятно. Колониальные державы, стремясь разобщить силы освободительных движений, долгое время искусственно консервировали здесь докапиталистические отношения, племенную организацию и феодально-племенную раздробленность, а реакционная этнография всячески подчеркивала и даже преувеличивала эту раздробленность, в результате чего население многих стран Африки и Азии представлялось конгломератом почти не связанных между собой племен и народностей. С распадом колониальной системы империализма положение изменилось. Сплочение сил в освободительной борьбе, завоевание политической независимости, подъем экономической жизни,— все это небывалым образом активизировало этнические процессы, причем вопрос о их направлении получил не только теоретическое, но и первостепенное политическое значение. В ряде своих работ советские ученые показали, что несмотря на сохранение значительных, хотя и сильно преувеличенных буржуазной этнографией остатков родоплеменной и феодально-областнической разобщенности, в слабо развитых странах идут процессы этнической консолидации и формирования новых наций²⁵.

Следует, однако, отметить, что в этногенетических исследованиях советских этнографов есть еще немало лакун. Сказанное касается как конкретного изучения некоторых народов, в первую очередь русского,

²¹ В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу, ТИЭ, т. X, 1951; Сб. «Вопросы этнической истории мордовского народа», ТИЭ, т. LXIII, 1960 и др.

²² Сб. «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952)», ТИЭ, т. XXIII, 1954; «Балтийский этнографич. сборник», ТИЭ, т. XXXII, 1956; Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956; Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I, М., 1959.

²³ В. В. Бунак и С. А. Токарев, Проблемы заселения Австралии и Океании, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», ТИЭ, т. XVI, 1951; Д. А. Ольдерогге, Происхождение народов Центрального Судана, СЭ, 1952, № 2; С. А. Арутюнов, Этническая история Японии на рубеже нашей эры, «Восточно-азиатский этнографич. сборник», 1, ТИЭ, т. LXXIII, 1961; Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, Сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», ТИЭ, т. LXXX, 1962 и др.

²⁴ Вышел «Историко-этнографич. атлас Сибири». М.—Л., 1961. Подготовлен к печати «Историко-этнографич. атлас русского народа»; ведутся работы по созданию «Историко-этнографич. атласа Средней Азии и Казахстана», «Кавказского историко-этнографич. атласа» и «Прибалтийского историко-этнографич. атласа».

²⁵ См.: И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, ТИЭ, т. XXIX, 1955; его же, Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы, СЭ, 1957, № 4; его же, Африка смотрит в будущее, М., 1960; С. Р. Смирнов, Образование и пути развития северосуданской народности, «Африканский этнографич. сборник», 1, ТИЭ, т. XXXIV, 1956; Р. Н. Исмагилова, Население Кении, М., 1963; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, СЭ, 1961, № 4; Сб. «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии», ТИЭ, т. LXXXIII, 1963; Сб. «Нации Латинской Америки», М., 1964, и др.

так и в особенности разработки некоторых общих проблем этногенеза, составляющих теоретическую основу этих исследований. Марксистская наука исходит из того эмпирически подтвержденного огромным историко-этнографическим материалом положения, что различным социально-экономическим формациям соответствуют различные типы этнических общностей. Согласно утвердившейся терминологии, для первобытно-общинного строя характерно племя, для рабовладельческого и феодального — народность, для капиталистического и социалистического — соответственно буржуазная и социалистическая нация. Однако атмосфера чуждого марксизму-ленинизму культа личности Сталина препятствовала выяснению качественных различий между сменяющимися друг друга типами этнических общностей. После XX съезда КПСС этот пробел стал восполняться. Началась, к сожалению, пока еще не отразившаяся в публикациях творческая разработка этой узловой теоретической проблемы этнической истории, в процессе чего несомненно будут уточнены наши представления об отличительных особенностях типов этнических общностей.

Перейдем к вопросам истории культуры. Одной из центральных проблем этой группы, как уже отмечалось, является характеристика того вклада, который внесли различные народы мира в культурную сокровищницу человечества. Естественно, что особое внимание советских этнографов привлекла здесь самобытная культура народов внеевропейских стран, на развитии которых тяжело отразилась европейская колонизация. Эти вопросы нашли отражение не только в соответствующих томах серии «Народы мира» и монографических работах по отдельным народам, но и в ряде специальных исследований²⁶. Наряду с этим в последние годы все шире развертывается изучение процессов возрождения и развития культуры народов Азии, Африки и Латинской Америки, вступивших на путь завоевания и укрепления национальной независимости²⁷. Историко-этнографическим сборником «Куба» положено начало исследованию процессов бурного подъема культурной жизни в новых социалистических странах²⁸, однако нельзя не отметить, что эта важнейшая проблематика пока еще разрабатывается советскими этнографами в основном лишь в рамках работы над томами серии «Народы мира».

Изучение истории культуры важно не только для общей этнической характеристики народов мира, разработки проблем этногенеза, анализа важнейших культурных процессов современности. Оно необходимо для воссоздания подлинно марксистской истории народов, неотъемлемой составной частью которой является история всех элементов их материальной и духовной культуры, всех особенностей и институтов их социальной организации. Об усилении внимания к этому кругу вопросов свидетельствует тот факт, что этнографы приняли активное участие в

²⁶ Д. А. Ольдерогге, Западнй Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры, ТИЭ, т. LIII, 1960; Д. Д. Тумаркин, Роль американских миссионеров в разрушении самобытной культуры гавайского народа и его колониальном порабощении, Сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов»; Л. А. Фадеев, Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречье Замбези — Лимпопо, «Африканский этнографич. сборник», IV, ТИЭ, т. LXXII, 1962; И. А. Золотаревская, Индейские влияния в культуре народов США, СЭ, 1962, № 6; Сб. «Культура индейцев. Вклад индейцев Америки в мировую культуру», М., 1963, и др.

²⁷ А. С. Орлова, Африканские народы. Очерки культуры, хозяйства и быта, М., 1958; Сб. «Бразилия. Экономика, политика, культура», М., 1963; Сб. «Эквадор. Историко-этнографич. очерки», М., 1963 и др.

²⁸ Сб. «Куба. Историко-этнографич. очерки», М., 1961.

создании почти всех очерков истории союзных республик СССР, а также некоторых автономных республик — Башкирской, Татарской и др.

Работа в области изучения материальной культуры развернулась главным образом в послевоенные годы. Она получила отражение в значительной серии публикаций по народам СССР²⁹ и, преимущественно на материалах музейных коллекций, некоторым зарубежным народам³⁰. Однако главным ее итогом будут уже упомянутые историко-этнографические атласы народов СССР, обобщающие и систематизирующие данные по орудиям производства, средствам передвижения, жилищу, одежде и другим элементам материальной культуры.

Изучение общественного строя, иначе говоря социальной культуры, получило значительный размах еще в 1930-е гг. Его начало было связано с практическими нуждами коренного переустройства экономики отсталых в прошлом национальных окраин страны, потребовавшими углубленного историко-этнографического исследования общественного строя различных народов СССР и, в частности, анализа форм и проявлений общинно-родового уклада в его взаимодействии с классовыми отношениями. Эта проблема, центральное место в которой занимает исследование особенностей патриархально-феодальных отношений и их позднейшего переплетения с капиталистическими отношениями, и поныне остается одной из важнейших проблем этнографического изучения социальной культуры. Она продолжает сохранять свою актуальность как в плане изучения тех народов СССР, у которых до Октябрьской революции господствовали патриархально-феодальные отношения, так и в плане изучения ряда народов зарубежного Востока³¹. Из других вопросов истории социальной культуры наибольшую разработку получили вопросы происхождения и развития родовой общины, брачно-семейной организации и т. п.; речь о них будет ниже.

Видное место заняло также изучение духовной культуры. Крупнейшим достижением в этой области явилась дешифровка Ю. В. Кнорозовым письменности древних майя³². Продолжается начатая еще до вой-

²⁹ См. А. А. Попов, Нганасаны, вып. 1. Материальная культура, ТИЭ, т. III, 1948; Сб. «Материальная культура Азербайджана», тт. 1—2, Баку, 1949—1951; В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов; «Восточнославянский этнографич. сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в.», ТИЭ, т. XXXI, 1956; Т. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX в., Йошкар-Ола, 1956; Сб. «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», ТИЭ, т. LVII, 1960; С. Гаджиева, Материальная культура кумыков XIX—XX вв., Махач-Кала, 1960; Сб. «Исслед. по материальной культуре мордовского народа», ТИЭ, т. LXXXVI, 1963 и др.
³⁰ «Сборник МАЭ», т. XIV — 1953, т. XV — 1955, т. XVII — 1957, т. XVIII — 1958, т. XIX — 1960, т. XX — 1961, т. XXI — 1963.

³¹ А. Н. Бернштам, Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии, СЭ, 1934, № 6; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Изв. Гос. академии истории материальной культуры», № 103, 1934; Л. П. Потапов, К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников, КСИЭ, III, 1947; С. М. Абрамзон, Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, Сб. «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, 1951; А. С. Орлова, О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем, СЭ, 1960 г., № 6; Сб. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955; А. И. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в., ТИЭ, т. LXIX, 1961; Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., ТИЭ, т. LXXIV, 1962; В. К. Гарданов, Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в., СЭ, 1960, № 5; его же, Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX в., СЭ, 1964, № 1 и др.

³² Ю. В. Кнорозов, Письменность индейцев майя, М.-Л., 1963.

ны покойным этнографом Б. Г. Кудрявцевым работа по дешифровке письменности о. Пасхи³³. Как показал опыт дешифровки письменности майя, решения подобного рода филологических задач по отношению к народам, лишь вступившим на рубеж цивилизации и оставившим сравнительно небольшое количество письменных памятников, возможно только при условии широчайшего использования этнографических источников и методов. Поэтому изучение систем письменности, равно как и языков, коренного населения Африки, Америки и Океании рассматривается в советской науке как предмет особых комплексных этнофилологических дисциплин, а дальнейшее развитие этих последних — как одна из насущных задач этнографии. Заметные успехи достигнуты в изучении народного художественного творчества — устного³⁴, драматического³⁵, музыкального³⁶, танцевального³⁷ и изобразительного³⁸. Несравненно меньше сделано для изучения положительных народных знаний, в особенности таких, как народная медицина, агрономия, метеорология. В последнее десятилетие активизировалось изучение религиозных верований³⁹, особая актуальность которого определяется как общими историко-культурными соображениями, так и потребностями научно-атеистической пропаганды.

* * *

Третий основной комплекс проблем советской этнографии — изучение истории первобытного общества. Актуальность их определяется прежде всего их огромным мировоззренческим значением, едва ли уменьшившимся за те 80 лет, которые прошли со времени выхода в свет труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Как известно, Энгельс, проанализировав ряд специальных работ по первобытной истории и в первую очередь труд выдающегося американского этнографа Л. Г. Моргана «Древнее общество», показал, что ее развитие при всем своем конкретно-историческом многообразии было в основном универсальным поступательным процессом, что первобытная экономика базировалась на общинно-родовой коллективной

³³ См. Б. Г. Кудрявцев, Письменность острова Пасхи, «Сборник МАЭ», т. XI, 1949; Д. А. Ольдерогге, Параллельные тексты таблиц острова Пасхи, там же; Н. А. Бутинов, Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи, СЭ, 1956, № 4.

³⁴ См. в этом же номере журнала: Б. Н. Путилов, В. К. Соколова, Основные проблемы советской фольклористики.

³⁵ См. «Русская народная драма XVII—XX веков», редакция, вступ. статья и комм. П. Н. Беркова, М.—Л., 1953; В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Русская устная народная драма, М., 1959; А. Л. Троицкая, Из истории узбекского народного театра и цирка, СЭ, 1948, № 3; Н. Нурджанов, Таджикский народный театр, М., 1956; С. С. Лисициан, Старинные пляски и театральные представления армянского народа, Ереван, 1958 и др.

³⁶ См. У. Гаджибеков, Основы азербайджанской народной музыки, Баку, 1945; М. И. и С. А. Кондратьевы, Коми народная песня, М., 1959; В. И. Беляев, Очерки по истории музыки народов СССР, вып. 1, 2, М., 1962, 1963; А. Эйхгорн, Музыкальная фольклористика в Узбекистане, Ташкент, 1963 и др.

³⁷ См. М. С. Туганов, Осетинские народные танцы, Сталинир, 1957; С. С. Лисициан, Указ. раб. и др.

³⁸ См. Г. С. Маслова, Народный орнамент верхневолжских карел, ТИЭ, т. XI, 1951; С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в., ТИЭ, т. XXII, 1954; его же, Современное искусство народов Сибири (скульптура), СЭ, 1961, № 6; Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов, Художественные промыслы Дагестана, Махач-Кала, 1959; Сб. «Народное декоративное искусство РСФСР», М., 1959 и др.

³⁹ См., например: С. А. Токарев, Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в., М., 1957; его же, Религия в истории народов мира, М., 1964; И. А. Крывелев, Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР, СЭ, 1961, № 4 и др.

собственности, исторически предшествовавшей частной собственности, что материнский род и присущие ему формы групповой и парной семьи исторически предшествовали отцовскому роду и патриархальной, а затем моногамной семье, что первобытное народовластие исторически предшествовало отделенному от народа органу классового угнетения — государству. Тем самым Энгельс показал преходящий характер всех основных устоев антагонистических формаций — частной собственности, классов, государства, моногамной семьи. Но если научный коммунизм обрел в данных первобытной истории яркие свидетельства обреченности капитализма, то идеологи антикоммунизма неизбежно должны были попытаться пересмотреть эти данные. Именно поэтому с 90-х годов прошлого века и до настоящего времени буржуазная наука не оставляет попыток противопоставить изученным Энгельсом фактам новые факты этнографии, а марксистскому пониманию первобытной истории — серию антимарксистских конструкций, открывшуюся гребнеровской теорией культурных кругов и замыкающуюся распространёнными ныне теориями релятивизма и неэволюционизма. Именно поэтому перед советской этнографией с первых же лет ее существования встала задача тщательного изучения и обобщения вновь накопленного материала, позволившего, как выяснилось, не только отстоять, но и еще более укрепить и развить все основные положения материалистического учения о первобытном обществе.

Развитие материалистической концепции первобытной истории потребовало прежде всего уточнения некоторых частных тезисов Моргана, воспроизведенных Энгельсом, но отмеченных им в качестве предположительных, нуждающихся в проверке и доработке на основе более широкого круга источников. Такова предложенная Морганом схема периодизации первобытной истории, в которой по недостатку в 70-х гг. прошлого века фактических данных были допущены отдельные неточности и, что еще важнее, не могли быть намечены важнейшие рубежи, разделяющие основные эпохи первобытной истории. Результатом исследования советскими учеными связанных с этим проблем явилось уточнение ряда критериев периодизации Моргана, позволяющее пользоваться ею и теперь для детальной характеристики первобытного исторического процесса, и в то же время создание нескольких вариантов новой периодизации, которые, различаясь во второстепенных моментах, сходны в своей основе — членении первобытности на три главные эпохи, соответствующие этапам становления, расцвета и разложения родовой общины⁴⁰. Есть и другие аргументированные точки зрения (в частности — о выделении начального этапа развития человечества, эпохи первобытного человеческого стада, в особую предформацию⁴¹), показывающие, что вопрос о периодизации истории первобытного общества продолжает требовать дальнейшей разработки. Таково же выдвинутое Морганом положение о кровнородственной семье как первой, сменившей промискуитет форме группового брака. Если в 1870—1880-х гг. эта гипотеза, аргументированная материалами этнографии полинезийцев и особенностями малайской системы родства, казалась вероятной, то впоследствии было установлено, что Морган основывался

⁴⁰ См. С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, СЭ, 1946, № 1; М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, СЭ, 1952, № 3; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, Сб. «Проблемы истории первобытного общества», ТИЭ, т. LIV, 1960.

⁴¹ См. Ю. И. Семенов, Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества), Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та, г. VI, 1956, вып. 2.

на неверной оценке общественного строя полинезийцев, что малайская система родства не может служить базой для реконструкции кровно-родственной семьи и что, следовательно, история группового брака началась непосредственно с его дуально-экзогамных форм⁴². Такова же, далее, проблема происхождения экзогамии, в разработке которой, впрочем еще не законченной, многие советские ученые отошли от моргановского объяснения этого института стремлением избежать вредных последствий инбридинга⁴³. Главный итог разработки всех этих проблем — бесспорный вывод о том, что уточнение и пересмотр отдельных тезисов Моргана в свете новейших данных этнографии ни в коей мере не затрагивает ни существа его взглядов, ни тем более основных положений марксистской концепции первобытности.

Конкретизация и развитие этих положений составляют вторую группу проблем, стоящих перед советскими этнографами — исследователями первобытного общества. Первостепенное значение здесь имеет изучение особенностей и этнографического распространения основной ячейки первобытного общества — материнской родовой общины, заметно продвинувшееся в отношении народов СССР⁴⁴, но пока еще недостаточно в отношении зарубежных народов. Представляют теоретический интерес поставленный А. М. Золотаревым вопрос об универсальности отцовского рода и начатый М. О. Косвен анализ его структурных форм⁴⁵. Поднят большой новый материал, свидетельствующий об историческом приоритете групповых форм и дислокальности брака⁴⁶ и сравнительно позднем возникновении патриархальной семьи, еще позднее, на стадии окончательного распада первобытного общества, сменяющейся индивидуальной, или моногамной, семьей⁴⁷. В ряде историко-этнографических монографий и специальных исследований показан конкретный механизм распада первобытно-общинных родовых отношений, развития военной демократии и становления классов и государства⁴⁸. Особое, хотя еще

⁴² А. М. Золотарев, К истории ранних форм группового брака, «Уч. зап. Московск. обл. пед. ин-та», т. II, 1940; Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, Сб. «Родовое общество»; Д. Д. Тумаркин, К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., СЭ, 1954, № 4.

⁴³ См. А. М. Золотарев, Происхождение экзогамии, «Изв. ГАИМК», т. X, 1931, вып. 2—4; С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1936, № 9—10; Н. А. Бутинов, Проблема экзогамии (на материалах австралийцев), Сб. «Родовое общество». См. также И. А. Золотаревская, Дискуссия о проблеме экзогамии, СЭ, 1947, № 3.

⁴⁴ Библиографию см.: А. И. Першиц, Проблемы истории первобытного общества в советской этнографии, «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956.

⁴⁵ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963.

⁴⁶ См. Е. Ю. Кричевский, Система родства как источник реконструкции развития социальной организации австралийских племен, Сб. «Вопросы истории докапиталистического общества», М.—Л., 1936; А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939; М. О. Косвен, К проблеме группового брака, КСИЭ, I, 1946; егже, Амазонки. История легенды, СЭ, 1947, NN 2 и 3; Ю. И. Семенов, Возникновение человеческого общества, Красноярск, 1962 и др.

⁴⁷ См. А. Н. Кандауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, Л., 1940; Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, ТИЭ, т. XLIV, 1959; М. О. Косвен, Семейная община и патронимия и др.

⁴⁸ См. С. П. Толстов, Военная демократия и проблема генетической революции, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8; И. И. Потехин, Военная демократия матабеле, Сб. «Родовое общество»; М. О. Косвен, К вопросу о военной демократии, Сб. «Проблемы истории первобытного общества»; С. А. Токарев, Происхождение общественных классов на островах Тонга, СЭ, 1958, № 1; Ю. П. Аверкиев, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, т. LXX, 1961 и др.

далеко не достаточное, внимание уделено почти не разрабатывавшимся в довоенные годы проблемам первобытной экономики⁴⁹.

Из других актуальных проблем первобытной истории отметим проблему происхождения религии и развития ее ранних форм. Она получила серьезную разработку в части опровержения всякого рода идеалистических теорий изначальности религиозного мировоззрения, первобытного монотеизма и т. п., но многие вопросы, связанные с классификацией и историческим соотношением первобытных верований, все еще остаются дискуссионными⁵⁰.

* * *

Еще одна исследовательская линия советской этнографии, рассмотрением которой мы закончим наш по необходимости краткий обзор,— это историография этнографической науки. Начало ее разработки было положено в 1930-х гг. изучением этнографического наследия основоположников научного коммунизма. Уже тогда и в первые послевоенные годы были в основном исследованы взгляды Маркса и Энгельса на первобытное общество и развитие этих взглядов в соответствии с накоплением этнографического материала и подлинно научными достижениями классиков буржуазной науки второй половины XIX в., в первую очередь Моргана и Бахофена⁵¹. Большая проделанная в этом направлении работа, равно как и работа по изучению историографии последующего периода, в значительной мере обобщены в рамках широкого труда, посвященного истории изучения основного этапа развития первобытного общества — эпохи материнской родовой общины, или матриархата⁵². Меньше сделано для обобщения наших знаний по истории изучения начального этапа первобытности — человеческого стада⁵³, еще меньше — по истории изучения ее заключительного, распадного этапа.

Оживление историографической мысли дало толчок исследованиям в области истории отечественной этнографии. Развернувшееся в послевоенное время изучение научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая, Д. Н. Анучина, М. М. Ковалевского, Н. И. Зиберы, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других этнографов или ученых, живо интересовавшихся вопросами этнографии, позволило в большой степени выявить прогрессивные традиции отечественной науки, ее методы и достижения,

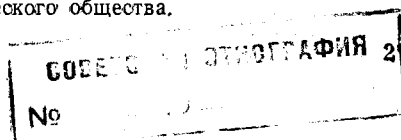
⁴⁹ См. А. И. Блинов, Партнерство (к вопросу о ранних формах обмена), ТИЭ, т. II, 1947; В. М. Бахта, Производительные силы пауасов залива Астролябия, «Океанический этнографич. сборник», I, ТИЭ, т. XXXVIII, 1957; Г. Ф. Хрустов, К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе, СЭ, 1959, № 6; Д. М. Каров, О развитии примитивных орудий, Сб. «Проблемы истории первобытного общества»; Н. А. Бутинов, Разделение труда в первобытном обществе, там же; В. Р. Кабо, Каменные орудия австралийцев, Сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов» и др.

⁵⁰ См., например: В. К. Никольский, Начало религии, «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», т. XIV, 1950, вып. 1; его же, К вопросу о древнейшей форме религии, там же, т. XXVII, 1953, вып. 2; Д. Е. Хайтун, Проблема тотемизма в освещении современной науки, М., 1957; С. А. Токарев, О происхождении и ранних формах религии, Сб. «Наука и религия», М., 1957; его же, Происхождение религии, М., 1960; Сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», ТИЭ, т. LI, 1959.

⁵¹ Е. Ю. Кричевский, Морган и марксизм-ленинизм, «Сообщ. ГАИМК», 1932, вып. 7—8; М. О. Косвен, Л. Г. Морган, Л., 1933; его же, Энгельс и Морган, Сб. «Вопросы истории доклассового общества»; С. П. Толстов, К. Маркс и Л. Г. Морган, СЭ, 1946, № 1 и др.

⁵² М. О. Косвен, Матриархат. История проблемы, М.—Л., 1948.

⁵³ Ю. И. Семенов, Возникновение человеческого общества.

ее вклад в мировую этнографическую науку⁵⁴. Этот вклад, до последнего времени сравнительно мало учитывавшийся не только зарубежными, но и советскими этнографами, еще продолжает требовать тщательного исследования.

Наконец, необходимость идейной борьбы с буржуазными этнографическими школами поставила перед советскими этнографами задачи пристального изучения реакционных течений в зарубежной науке. Уже в предвоенный период этнографы СССР много сделали для разоблачения идеологии расизма, пытавшегося почерпнуть свои доводы не только в антропологических, но и в этнографических источниках⁵⁵. После войны встала задача серьезной критики таких антимарксистских этнографическо-социологических школ и направлений, как английский функционализм, американская этнопсихологическая школа, релятивизм, неозволюционизм и т. п. Эта работа нашла отражение как в специальных сборниках⁵⁶, так и в ряде критических статей М. Г. Левина, И. И. Потехина, Н. А. Бутинова, Ю. П. Аверкиевой, Б. И. Шаревской и др., опубликованных главным образом в журнале «Советская этнография».

Работа в области историографии, проделанная советскими этнографами, позволяет поставить на очередь дня создание обобщающего труда по истории мировой этнографической науки. Такое исследование поможет лучше понять значение этнографии в системе общественных наук, глубже вскрыть теоретические корни существующих в ней направлений, четче наметить рубежи, по которым проходит размежевание прогрессивной и реакционной идеологии в современной этнографии.

* * *

В советской этнографии поднят широкий круг актуальных проблем, разработка которых служит делу взаимопонимания народов, мира, экономического и культурного прогресса. Однако еще далеко не во всех случаях эта разработка достаточным образом продвинулась вперед. В дальнейшем предстоит значительно расширить этнографическое исследование основных этнических и культурно-бытовых процессов современности, протекающих в СССР, других социалистических странах, развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки. Необходимо увеличить размах работ по созданию серии историко-этнографических монографий, посвященных отдельным народам мира. Должна быть активизирована разработка таких теоретических проблем, как этническая классификация народов мира, развитие типов этнических общностей, периодизация истории первобытного общества и т. п. Много еще предстоит сделать и для популяризации подлинно научных этнографических знаний.

Большое значение в дальнейшем развитии этнографической науки в СССР несомненно будет иметь укрепление ее связей с прогрессивной зарубежной наукой. За последнее десятилетие сделались обычным яв-

⁵⁴ См. С. А. Токарев, Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии, СЭ, 1961, № 2; К. Г. Гуслистый и В. Ф. Горленко, О периодизации истории украинской этнографии, СЭ, 1961, № 1; Об. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», I, ТИЭ, т. XXX, 1956; вып. II, ТИЭ, т. LXXXV, 1963; М. О. Косвен, Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, «Кавказский этнографич. сборник», I, ТИЭ, т. XXVI, 1955; II, ТИЭ, т. XLVI, 1958; III, ТИЭ, т. LXXIX, 1962 и др.

⁵⁵ См. сб. «Наука о расах и расизм», М.—Л., 1938.

⁵⁶ См. «Англо-американская этнография на службе империализма», ТИЭ, т. XII, 1951; «Современная американская этнография. Теоретические направления и тенденции», М., 1963.

лением непосредственные контакты не только с этнографами социалистических стран, с которыми ведутся совместные исследования (например, в процессе подготовки тома «Народы Центральной и Юго-Восточной Европы» серии «Народы мира»), но и с учеными многих других стран. Участились плодотворные встречи этнографов на международных конгрессах, налаживается обмен положительными научными достижениями. Нет сомнения, что немалую роль в этом отношении сыграет и VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, на котором будут обсуждены важнейшие проблемы современной этнографии и найдены новые формы творческого сотрудничества советских и зарубежных ученых.

SUMMARY

Soviet ethnography today is a complex branch of knowledge with a wide range of problems involved. These are the origin and distribution of the peoples of the world, their ethnic composition and classification, their ethnic peculiarities, cultural and historic relations and, finally, the origin and development of all elements of their material, social and spiritual culture. Within this range of problems, whose scientific significance is obvious, Soviet ethnographers single out several lines of research of special importance in the present historical conditions. One of such lines is the study of the ethnic and cultural development of the peoples of the USSR in the period of transition to communism, with two groups of questions singled out: the changes in the cultural level and everyday life of the collective farmers, the working class and intellectuals and the ethnic development of different peoples of the USSR and of Soviet society as a whole. Work in this field was started in the 1940s and after a certain period of search for the right methods resulted in a number of substantial researches not only containing important theoretical generalizations, but also helping in the construction of communism in the USSR. A second basic line of research has to do with the general ethnic characterization of the peoples of the world. Attention here is centered on the present-day ethnic and cultural development of the peoples; however, since any phenomenon can be understood only when its origin and evolution are known, Soviet ethnographers carefully study the whole complex of problems of the ethnic and cultural history of mankind. The problem of a general ethnic characterization of the peoples of the world began to loom large in the post-war years with the commencement of the work on the Soviet publication in many volumes — «The Peoples of the World». Certain successes have been achieved in this connection in ethnic classification of the peoples, considerable progress has been made in working out the principles for defining ethnic territories and the methods of ethnic cartography, much has been done in the development of the theory of ethnogenic research and the discovery of different types of ethnographic sources of ethnogeny, tangible results have been obtained in the study of the history of culture and, first of all, the original culture of those peoples whose development has been adversely affected by European colonization. Still another line of research is the history of primitive society, whose basic problems, being of tremendous ideological importance, have since the end of the past century and to this day been the subject of an acute dispute between ethnographers of the Marxist and anti-Marxist trends. The work of Soviet ethnographers in this field made possible, on the one hand, to formulate more precisely some of the theses of L. G. Morgan included in the classical work of F. Engels «The Origin of the Family, Private Property and the State» (concerning the periods of primitive society, the consanguineous family, etc.), and, on the other, to develop and make more concrete the main and most important ideas of the Marxist theory of the history of primitive society. And, finally, the last of the lines considered here is the historiography of the ethnographic science, best developed by Soviet ethnographers as regards the history of Russian ethnography, the history of primitive society and contemporary ethnographic schools and trends.

In the future Soviet ethnographers are to expand and deepen their research along the above lines. A considerable contribution to it can be made by their closer contacts with progressive scientists in other countries and the forthcoming useful meetings at the 7th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences.